

И. В. Октябрьская, Е. В. Самушкина, В. В. Николаев
**КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ В СОВРЕМЕННОМ
 ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-108-117

УДК 63.5(2(Рос.Алт))

ББК 39(235.222)

Статья посвящена оценке современных этнополитических процессов в Республике Алтай. Авторское исследование опирается на полипарадигмальный подход и на широкий круг источников. В 1980–1990-х гг. на Алтае возникли организации, значительная часть которых представляла интересы малочисленных народов региона: кумандинцев, челканцев, тубаларов, телеутов. Эти группы, в академическом и общественно-публицистическом дискурсе Алтай обозначавшиеся в качестве субэтносов, имели кризисные показатели в сохранении языков и культур, но отличались высокой общественной активностью. В 2000-х гг. выбор кумандинцев, челканцев, тубаларов, телеутов был сделан в пользу статуса коренных малочисленных народов, что не помешало им считать себя частью алтайского сообщества в целом. Авторское исследование показало, что приоритеты этнического структурирования этнополитического пространства Алтая 2000-х гг. сочетались с тенденцией к интеграции. Реализация прав коренных малочисленных народов Республики Алтай формировала новую социокультурную и этнополитическую реальность, характерными чертами которой стали активизация национального и эколого-культурного движения коренных малочисленных народов и мобилизация этничности, культурной и языковой самобытности; идентичность приобрела многоуровневый характер. В ходе анализа социокультурных и этнополитических практик коренных малочисленных народов Республики Алтай в статье было показано, что при всех сложностях, связанных с сохранением этнополитического единства, они выстроили систему действенного диалога с государством и региональным сообществом с учетом российского и мирового политико-правового обеспечения.

Ключевые слова: *этническая идентичность, общественные организации, коренные малочисленные народы, Республика Алтай*

*История изучения вопроса
и постановка проблемы*

История активного русского освоения Алтая началась со строительства Бикатунской крепости в 1709 г. В 1756 г. последовало обращение 12 алтайских зайсанов (глав родов) о добровольном вхождении в состав Российской империи. В 1828–1830 гг. в пределах Алтая начала работу духовная миссия Русской пра-

вославной церкви. После подписания в 1864 г. Чугучакского протокола Россия окончательно утвердилась в алтайских пределах.

Вхождение Алтая в состав империи сопровождалось попытками структурировать его народонаселение с целью оптимизации управления. В процессе описания края сложились представления о различиях: в горно-степной зоне проживали тюркские скотоводческие сообщества, испытавшие заметное влияние джунгар (западных монголов — ойротов); тюрки Северного Алтая сохраняли традиции угро-самодийского и кетского мира, с которым были связаны в ходе своего становления; в таежной зоне развивалось комплексное хозяйство, включавшее мотыжное земледелие, животноводство, охоту и т. д.¹ В административном плане на севере были образованы инородческие волости и управы; южные алтайцы были организованы в дючины. Северные алтайцы еще в XIX в. оказались в зоне влияния русской культуры. К концу XIX в. ориентирован-

*Октябрьская Ирина Вячеславовна — д.и.н., в.н.с. отдела этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: siem405@yandex.ru*

*Самушкина Екатерина Викторовна — к.и.н., н.с. отдела этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: khakassie@yahoo.fr*

*Николаев Василий Владимирович — к.и.н., н.с. отдела этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru*

* Работа выполнена по проектам НИР № 0329-2019-0006, 0264-2021-0008

¹ См.: Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953; Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX—XX в.). Барнаул, 2004; и др.

ные на формирующуюся религию бурханизма алтай-кижи, по мнению исследователей, сложились в этноконфессиональную общность.²

С учетом географии расселения, культурных и языковых особенностей миссионером В. И. Вербицким было предложено деление алтайцев на «северных» и «южных». К «южным» он причислял «алтайских калмыков» (современные алтай-кижи), урянхайцев (современные теленгиты), телеутов. Жители Северного Алтая были названы им «черневыми татарами».³

Сходный принцип классификации использовал В. В. Радлов, работавший на Алтае в конце XIX в. Им были выделены «татары Северного Алтая» и «алтайские татары». К первым он отнес кумандинцев, лебединских татар (современные челканцы), черневых татар (современные тубалары), шорцев; в состав «алтайских татар» / «алтайских калмыков» включил телеутов и алтайцев — «алтай киж» / «людей Алтая» (в русских документах «алтайские горные калмыки»); «чу киж» («людей реки Чуи») / теленгитов на р. Башкаус — «улан», на р. Чулышман — «тёлёс».⁴

На основе анализа языковых различий Н. А. Баскаков в 1950–1960-х гг. обосновал деление алтайцев на северных в составе кумандинцев, тубаларов, челканцев (с преобладанием уйгуро-огузских компонентов в языке) и южных (с преобладанием киргизско-кыпчакских компонентов): алтай-кижи, теленгитов и телеутов.⁵

Воссоздав модели этногенеза северных и южных алтайцев, этнограф-сибиревед Л. П. Потапов⁶ подчеркнул, что к началу XX в. между ними сохранялись значительные различия в языке и культуре и лишь в советский период коренное тюркоязычное население консолидировалось в единый народ с общим самосознанием — алтайцы. Такая модель соответствовала утвердившейся в 1960–1970-е гг.

² См.: Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 263; Znamenski A. Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai 1904–1922 // Acta Slavica Iaponica. 2005. № 22. С. 25–52; Клешев В. А. Современная народная религия алтай-кижи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006.

³ Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. С. 19–21.

⁴ См.: Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 92–96.

⁵ См.: Баскаков Н. А. Алтайский язык (введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958. С. 29.

⁶ См.: Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969. С. 14.

теории этноса, а также идеологии и практикам советской национальной политики. В этом контексте формирование алтайского этноса рассматривалось как пример этнической консолидации; группы южных и северных алтайцев определялись в статусе субэтносов.

Академические концепции, рассматривающие проблемы формирования и идентичности этнических групп, проживающих на Алтае, менялись на протяжении XX в. В 1970–1990-х гг. были опубликованы работы Ф. А. Сатлаева, Е. П. Батяновой, И. И. Назарова, В. Д. Славина, Д. А. Функа и др., где алтайские субэтносы рассматривались как самостоятельные сообщества.⁷ В монографии Г. П. Самаева утверждалась идея изначального единства народонаселения (теленгитско-телеутской и абинско-кумандинской общностей) Алтая с последующей его дифференциацией в XVII–XIX вв.⁸ По мнению Л. И. Шерстовой, в пределах Горного Алтая происходило структурирование сообществ теленгитов и алтай-кижи; специфику развития северо-алтайских групп определил процесс активного взаимодействия с русским крестьянским сообществом; постепенно алтай-кижи «притягивали» к себе этнические общности Северного Алтая и теленгитов.⁹

Консолидация алтайцев являлась методом не только академического, но и общественно-политического дискурса. После провозглашения в 1992 г. Республики Алтай (РА)¹⁰ и включения ряда сообществ (теленгитов, тубаларов, челканцев, кумандинцев, шорцов, телеутов) в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ¹¹ в 2000 г. не утихла полемика по поводу единства алтайского

⁷ См.: Батянова Е. П. Род и община у телеутов в XIX — начале XXI века. М., 2007; Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. Барнаул, 2013; Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974; Функ Д. А. Численность и расселение челканцев в XIX веке // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М., 2000. Т. 3. С. 25–51.

⁸ См.: Самаев Г. П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). Горно-Алтайск, 1996.

⁹ См.: Шерстова Л. И. Указ. соч. С. 269.

¹⁰ В истории Республики Алтай выделяют наиболее значимые этапы формирования: Ойротская АО (с 1922 г.), Горно-Алтайская АО (с 1948 г.), Горно-Алтайская АССР (с октября 1990 г.), Горно-Алтайская ССР (с 1991 г.), Республика Горный Алтай (с февраля 1992 г.), Республика Алтай (с мая 1992 г.).

¹¹ См.: Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/181870/#ixzz6q6Y2Npk5> (дата обращения: 22.12.2020).

народа. Это повлияло на характер исследований в регионе.

В обобщающей монографии «Тюркские народы Сибири» очерки, посвященные челканцам, тубаларам и теленгитам, были объединены в раздел «Алтайцы»; как самостоятельные сообщества были описаны кумандинцы (проживающие главным образом в Алтайском крае) и телеуты (проживающие главным образом в Кемеровской области), которые еще в 1993 г. были отнесены к малочисленным народам Севера.¹²

В монографии «Алтайцы. Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие» авторы подчеркивали: «В целом, можно констатировать, что среди коренного алтайского населения РА сложилась своеобразная этническая ситуация. С одной стороны, традиционные этнические группы алтайцев — теленгиты, тубалары и чалканцы — в политико-правовом аспекте имеют статус коренных малочисленных народов России и как бы считаются новыми этносами. С другой стороны, “новые” этносы устойчиво сохраняют культурно-языковую (и религиозную) общность с основной частью алтайцев и в реальных жизненных обстоятельствах продолжают осознавать себя алтайцами. Это проявляется в “двухуровневом” этническом самосознании и приверженности к “алтайской вере”. А те, кто неизменно идентифицируют себя алтайцами, по-прежнему воспринимают эти новые образования (в политико-правовом смысле) не “чужими”, а “своими” — самобытными этническими группами алтайского народа. Следовательно, новая этническая идентичность алтайцев находится на стадии формирования и адаптации к реалиям XXI столетия».¹³

В работах Д. А. Аткуновой северные алтайцы рассматривались как единая этнокультурная общность, отличная от южных алтайцев, но имеющая многоуровневую идентичность «по схеме: “алтайцы”, — “северные алтайцы”, — “этнические общности” (кумандинцы, тубалары, челканцы), — “субэтнические” (родовая принадлежность)».¹⁴

В серии работ С. П. Тюхтеновой, Н. А. Тадиной, Т. С. Ябыштаева, Г. Б. Эшматовой была

дана неоднозначная оценка центробежного и центростремительного векторов в развитии этнополитической ситуации на Алтае начала XXI в.¹⁵ В монографии А. П. Чемчиевой был сделан вывод о наличии сил, заинтересованных в сохранении единства алтайцев и предпринимающих усилия против обособления алтайских субэтносов.¹⁶

Процессы реструктуризации алтайского общества ученые и практики рассматривали с позиций мобилизации этничности. При всей противоречивости суждений они ориентировались на признание факта самоопределения алтайских этнических групп при выстраивании перспектив социокультурного и политического бытия. Однако за пределами анализа оставалась проблема социокультурной и этнополитической активности этих сообществ.

Оценка статуса коренных малочисленных народов: кумандинцев, тубаларов, челканцев, теленгитов — в современном этнополитическом и социокультурном пространстве РА определила цель данного исследования. Оно было выполнено с опорой на анализ прессы, архивных и нормативных документов, а также на полевые наблюдения в ходе различных общественных мероприятий коренных малочисленных народов региона. В основу работы был положен полипарадигмальный подход, согласно которому этничность рассматривается в широком смысле как этническая идентичность, этническое самосознание людей и одновременно как реальное следование специфическим свойствам поведения. Подобный подход позволяет рассматривать этносы как базовые, но изменчивые во времени формы самоорганизации человеческого сообщества; факторами их трансформации являются социокультурные и политические процессы, следствием которых становится изменение самосознания и статуса.¹⁷

¹⁵ См.: Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2013. № 1 (130). С. 23–27; Тюхтенева С. П. Теленгиты Республики Алтай между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 43–45; Эшматова Г. Б. Республика Алтай: этнополитические процессы и современный мир. Горно-Алтайск, 2011.

¹⁶ См.: Чемчиева А. П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск, 2012.

¹⁷ См.: Дробужева Л. М., Аклаев А. Р., Коротева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

¹² См.: Тюркские народы Сибири. М., 2006.

¹³ Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. С. 431.

¹⁴ Аткунова Д. А. Национальное возрождение коренных малочисленных народов Северного Алтая (конец XIX — начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. С. 6, 12.

Обсуждение проблемы

Понятия «коренные народы» и «коренные малочисленные народы» разрабатывались в науке и в законодательстве СССР/России со второй половины XX в. с учетом исторического опыта и международных политико-правовых практик.

В марте 1990 г. прошел Съезд народов Севера СССР, который обозначил ряд проблем: определение статуса административных единиц, населенных коренными малочисленными народами, утверждение места их объединений в политической жизни и органах местного управления, введение права пользования природными ресурсами и т. п. Для их решения была учреждена Ассоциация народов Севера СССР.¹⁸ В 1992 г. был принят Указ Президента РФ № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера».

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной в 1996 г., к «коренным» были отнесены многие народы, расселенные на территории страны в период становления российской государственности. Понятие «коренные малочисленные народы» было определено Федеральным законом от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».¹⁹ В нем к этой категории были отнесены те народы, которые проживали в местах расселения своих предков, сохраняли традиционный образ жизни и хозяйствования, насчитывали менее 50 тыс. человек и осознавали себя как самостоятельные этнические общности. Согласно закону, эти народы имели право на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, право на общественное самоуправление и на замену военной службы альтернативной гражданской, право на сохранение и развитие самобытной культуры.²⁰

¹⁸ В 1993 г. организация была зарегистрирована как общественно-политическое движение — «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», в 1999 г. Ассоциация прошла перерегистрацию в Министерстве юстиции РФ как общероссийская общественная организация.

¹⁹ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения: 07.01.2021).

²⁰ См.: Соколова Ф. Х. Коренные народы: концепт, сущность и содержание // Вестн. Сев. (Аркт.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 23–27.

В этот период в РА были актуализированы этнические таксоны начала XX в.: в 1926 г. в СССР численность алтайцев составляла 19 925 человек, кумандинцев — 6 335, теленгитов — 1 756, тубаларов — около 4 500, челканцев — 1 891 человек.²¹ После 1926 г. эти группы были исключены из официального списка народов СССР. Актуальная на протяжении всего советского периода концепция унификации алтайского сообщества (на основе единых культурно-языковых стандартов титульной группы алтай-кижи) определяла специфику социальных и этнополитических процессов на Алтае.

С интеграционными приоритетами в развитии ситуации на Алтае сочетались тенденции к этническому структурированию.²² Первые национальные организации в регионе стали возникать в 1980-х гг. С 1989 г. в Горном Алтае началось восстановление института зайсанов и были созданы родовые объединения «Керил-Берлик», «Тодош», «Ак-Санаа», «Эне-Алтай».²³

Созданное в 1990-е гг. общество «Эне Тил» (существует и в настоящий момент) занималось популяризацией языков и культур коренного населения, участвовало в обсуждении этнополитических и социальных проблем региона.²⁴ Центральными в ее деятельности являлись проблемы экологии, сохранения историко-культурного наследия и родного языка.

В 1992 г. была создана Ассоциация северных этносов Алтая, объединившая кумандинцев, челканцев и тубаларов (в 2000 г. ее сменила Ассоциация коренных малочисленных народов РА).

В 1993 г. был принят Закон РА «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», который определил

²¹ См.: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php? (дата обращения: 03.12.2020); Кумандинцы // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. С. 555; Лебединцы // Там же. 1932. Т. 3. С. 29; Ойратская автономная область // Там же. Нью-Йорк, 1992. Т. 4. С. 89.

²² См.: Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Общественное движение в Республике Алтай: традиционализм и проблема мобилизации этничности (конец XX — начало XXI века) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. С. 98–107.

²³ См.: Кыдыева В. Я. Институт зайсанства у алтайцев // Алтай — Россия: через века в будущее. Горно-Алтайск, 2006. Т. 1. С. 113–116; Тадина Н. А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 77–81.

²⁴ См.: Казанцев А. Ю. Этнополитические процессы в Республике Алтай в конце XX века // Алтай — Россия: через века в будущее. Горно-Алтайск, 2006. Т. 1. С. 215.

реставрационные и охранительные меры в языковой и культурной сферах.²⁵

Начиная с 1997 г. особое место в общественном движении РА принадлежало «Курултай алтайского народа», учредительный съезд которого проходил под девизом «Один помысел — одна судьба». Целями общественного объединения являлись сохранение и консолидация алтайцев как единого народа; обозначались задачи «возрождения и развития самобытной культуры всех групп алтайцев: туба, теленгит, чалканду, куманды, телеут, алтай-кижи».²⁶ По замыслу организаторов, Курултай, опирающийся на движение алтайских родов и позднее преобразованный в Конгресс алтайского народа, должен был представлять все коренное население республики, его социальные и политические интересы. При всех противоречиях эта организация сохранила свое значение до настоящего времени. Таким образом, к концу XX в. отдельные группы алтайцев, имея кризисные показатели в сохранении языков и культур, отличались высокой политической активностью.

К началу 2000 г. появились новые общественные объединения: «Возрождение тубаларского народа Республики Алтай», «Возрождение кумандинского народа Республики Алтай», «Возрождение челканского народа Республики Алтай», Ассоциация коренных малочисленных народов теленгитов «Эре-Чуй» и др.²⁷ В 2006 г. был создан Союз Общин «Бия», объединяющий тубаларов, челканцев, кумандинцев, шорцев Турачакского района. В с. Майма с 2009 по 2013 гг. действовал культурный центр кумандинцев «Токнас» («Ласка»). Основным положением их программ стало восстановление культурно-языковой и экологической среды обитания коренных народов. В 2012 г. возникла Ассоциация «Звонящий кедр», представляющая интересы не только кумандинцев, но также тубаларов, челканцев и теленгитов. В 2013 г. была образована региональная молодежная общественная организация коренных малочисленных народов РА «Родник».

В целом на протяжении 1990–2000-х гг. в РА сформировалась сеть общественных ор-

ганизаций, представляющих интересы коренных малочисленных народов. Большое значение для их становления и развития имели: Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (в ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации»; Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

С учетом российской законодательной базы на протяжении 2000-х гг. в РА были определены территории компактного проживания коренных малочисленных народов, описаны мероприятия по защите их среды обитания, определены границы традиционного природопользования, порядок пользования водными ресурсами, недрами, лесными и охотничьими угодьями. Создание условий для устойчивого развития и сохранения самобытной культуры и традиционного образа жизни было предусмотрено Государственной программой РА в области национальной политики.²⁸

Опираясь на поддержку правительственных структур, члены общественных организаций коренных малочисленных народов региона в 2000-х гг. реализовали серию проектов, направленных на актуализацию субэтнической идентичности, традиционных родовых и общинных структур, на сохранение языкового многообразия и культурного наследия.

При проведении первой Всероссийской переписи населения 2002 г. кумандинцы, тубалары, челканцы и теленгиты были включены

²⁵ См.: Закон Республики Алтай от 03.03.1993 № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802008526> (дата обращения: 21.12.2020).

²⁶ Архив Управления Министерства юстиции по Республике Алтай. Д. 438.

²⁷ Там же. Д. 474.

²⁸ См.: Постановление Правительства Республики Алтай от 03.08.2018 № 246 «Об утверждении государственной программы Республики Алтай “Реализация государственной национальной политики”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/543743858> (дата обращения: 07.01.2021).

в официальный список народов России, разработанный ИЭА РАН. Конфликтный характер приобрела проблема противостояния стратегии субэтнической идентификации и идеологии единства алтайцев как условия сохранения РА.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г., на территории республики проживало 62 192 алтайца (всего в РФ 67 239 человек), кумандинцев — 931 (в РФ — 3 114), теленгитов — 2 368 (в РФ — 2 399), тубаларов — 1 533 (в РФ — 1 565) и челканцев — 830 (в РФ — 855).²⁹ Коренные малочисленные народы составили 8,3 % от общей численности автохтонов РА.

По итогам переписи 2010 г., в РА проживало 62 162 алтайца; при этом идентифицировали себя с алтайцами в Кош-Агачском районе 88,8 % коренных жителей, в Майминском — 85,4 %, в Улаганском — 72,1 %, в Чойском — 50,6 %, в Турочакском — 20,5 %. К представителям коренных малочисленных народов отнесли себя 7 714 человек (3 648 теленгитов, 1 891 тубалар, 1 113 челканцев, 1 062 кумандинца), что составляет 11 % от численности коренного населения республики.³⁰

Итоги переписей в РА стали предметом этносоциологических исследований. Анализ данных, полученных, например, в 2004 г. в среде коренных малочисленных народов, показал, что 65,9 % респондентов посчитали субэтноты составляющими единого народа; с этим не согласились 27,6 % опрошенных. Символами единства алтайцев были названы происхождение и общая историческая судьба, территория, язык и культура. Компромиссной стала оценка экспертов, разделивших политический и этнический уровень идентификации алтайских субэтносов: их политический выбор был сделан в пользу статуса коренных малочисленных народов, что не помешало им считать себя частью алтайского сообщества в целом.³¹

В 2000–2010-е гг. в РА были приняты ведомственные целевые программы, ориентированные на развитие сферы здравоохранения, образования, традиционного жизнеобеспечения коренных малочисленных народов региона. В документах, сопровождающих эти программы, речь шла о слабом владении родным

языком, прежде всего среди молодежи, о размывании этнической специфики и т. д. Одной из насущных была обозначена проблема сохранения и передачи традиционной культуры, знаний и технологий.

Ориентируясь на расширительную трактовку культурного наследия в единстве природной и культурной составляющей, общины коренных малочисленных народов Алтая при поддержке государства на протяжении 1990–2010-х гг. предпринимали значительные усилия по сохранению объектов материальной и нормативной культуры, сформировали рекреационную инфраструктуру с целью развития историко-культурного туризма и обеспечения занятости местных жителей.

Примерами подобных проектов стали музей «Возрождение» в с. Курмач-Байгол Турочакского района, этнографический музей «Ортош» и др. В 2007 г. в с. Яйлю Турочакского района РА был открыт визит-центр Алтайского государственного природного заповедника, кураторство над которым взяла община тубаларов. Созданный центр был ориентирован на развитие экологического туризма, на выявление и охрану священных, значимых для коренного населения мест, в том числе мест захоронений предков, локусов совершенства религиозных обрядов и праздников и пр. В целом карта священных мест Алтая была соотнесена со схемами развития историко-культурного туризма в регионе, которая включала в себя музейную сеть.

В границах современной РА музеи стали одним из основных институтов, формирующих историческую память северных алтайцев, образы их культуры. В 2000-е гг. открылись: музей «Эрми-таш» в Турочакском районе, этнотуристический центр «Алтайский аил», Музей алтайского сказителя Н. У. Улагашева в Чойском районе, Центр тубаларской культуры в с. Красносельск Чойского района и пр.

В целом деятельность общественных организаций, представляющих сообщество коренных малочисленных народов РА, на протяжении 2010-х гг. строилась по схеме актуализации культурного наследия и этничности. Практики культурного самоопределения, на которых настаивали лидеры движения, апеллировали к правовым основам существования коренных народов мира и коренных малочисленных народов РФ, к этнополитическому сообществу РА. При этом в связи с правовым определением статуса коренных малочисленных народов

²⁹ См.: Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=44> (дата обращения: 07.01.2021).

³⁰ См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.01.2021).

³¹ См.: Чемчиева А. П. Указ. соч. С. 185.

была обозначена проблема его формально-го подтверждения. Сложная многоуровневая идентичность коренных малочисленных народов Алтая проявилась в деятельности многочисленных общественных организаций: в июле 2010 г. на территории республики были зарегистрированы 53 общины и организации коренных малочисленных народов, большая их часть локализовалась в сельской местности.

В 2000–2010-е гг. процесс определения этнической идентичности и оформления статуса при помощи правовых институтов приобрел характер бюрократической процедуры, стал фактом социально-политической жизни коренных малочисленных народов РА. Теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы, кумандинцы, при рождении записанные алтайцами, инициировали изменение графы «национальность», что требовало судебных решений на основе ряда документов, в том числе справки Ассоциации коренных малочисленных народов и ходатайства районной/муниципальной администрации и т. д.³²

Согласно программам «Развитие и популяризация истории коренных малочисленных народов Республики Алтай на 2015 год», «Развитие сферы культуры в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Республики Алтай на 2013–2015 годы», «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай на 2016–2018 гг.», предполагалась популяризация языков, литературы, истории теленгитов, телеутов, кумандинцев, челканцев и тубаларов, укрепление материальной базы национально-культурных центров. Важное место среди государственных и общественных инициатив занимала эколого-экономическая проблематика: обсуждались вопросы сохранения природных ресурсов и зон традиционного природопользования, проблемы создания туристической инфраструктуры в зонах, обозначенных в качестве исконной среды обитания. С экологическими вопросами было связано обсуждение статуса сакральных ландшафтов и их сохранности при реализации бизнес и рекреационных проектов в регионе.

К 2020 г. система общественных объединений РА включала консолидированные структуры, в том числе Ассоциацию коренных малочисленных народов, Региональную об-

щественную организацию Информационный центр коренных народов «Бирлик» и др.; объединения, представляющие отдельные народы — например, объединение теленгитов «Эрдинелу Эре-Чуй» («Сокровенный Эре-Чуй»), местную организацию кумандинцев г. Горно-Алтайска «Аай» («Деревня»), региональную национально-культурную организацию «Туба калык» и пр.; семейно-родовые общины теленгитов Улаганского района, челканцев Турочакского района, тубаларов Турочакского района; территориально-соседские общины Кош-Агачского, Майминского, Турочакского районов РА.³³ Из всех общин коренных малочисленных народов, внесенных в официальный реестр РА, большинство были созданы теленгитами.

Анализ этнических процессов в регионе показал, что за время существования организации, представляющие интересы коренных малочисленных народов, с опорой на национальные и международные правовые стандарты сформировали инструментарий по защите исконной среды обитания и образа жизни, по самоопределению и обеспечению права на самоуправление. Государственный патернализм стал фактором сохранения культурного и языкового многообразия региона, основой для реставрации традиционных институтов, форм и технологий жизнедеятельности, противопоставленных глобализации.

В последние годы в среде коренных малочисленных народов Алтая была реализована серия проектов, в том числе: организация культурного центра сказителя Н. У. Улагашева; создание этнокультурного центра «Возрождение»; благоустройство целебного источника «Аржан суу» общиной теленгитов Улаганского района; возрождение источника «Бугузунский» общиной теленгитов с. Кокоря Кош-Агачского района; реализация общиной теленгитов с. Курай Кош-Агачского района программы краеведческого образования «Наследие Чуйской степи»; разработка и реализация Ассоциацией коренных малочисленных народов «Звонящий кедр» проекта «Сокровища коренных народов Алтая», направленного на развитие системы народных художественных промыслов и т. д.³⁴

³² См.: Маслов Д. В. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов Республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 79.

³³ См.: Общественные организации Республики Алтай (по состоянию на 19.02.2020). URL: <https://altai-republic.ru/society/public-organizations/> (дата обращения: 07.01.2021).

³⁴ См.: Проекты объединений коренных малочисленных народов Республики Алтай, поданные ими на конкурс грантов

В ходе реализации прав коренных малочисленных народов РА (как и России в целом) сформировалась новая социокультурная и этнополитическая реальность, новый тип солидарности и способы презентации этнокультурной идентичности, которые оказались действенными при поддержке государства и общественного движения. Опираясь на поддержку российских и международных организаций, коренные малочисленные народы Алтая стали заметной общественной силой. Их численность неуклонно растет, солидаризация в рамках Ассоциации позволяет координировать усилия по совершенствованию социокультурной и языковой ситуации в регионе.

Из анализа ситуации следует, что феномен актуализированной и юридически значимой этничности становится фактом современного этно- и социально-политического пространства РА и элементом ее нормативно-правовой базы. При всех противоречиях движение коренных малочисленных народов региона, обозначая перспективы своего существования, выстраивает систему эффективного диалога с государством и полиэтничным сообществом с учетом российского и мирового опыта.

Irina V. Oktyabrskaya

Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: siem406@yandex.ru

Ekaterina V. Samushkina

Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: khakassie@yahoo.fr

Vasily V. Nikolaev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: nikolaevvvo6@mail.ru

INDIGENOUS MINORITIES IN THE CONTEMPORARY ETHNOPOLITICAL SPACE OF THE ALTAI REPUBLIC

The article is devoted to the analysis of contemporary ethnopolitical processes in the Altai Republic. It is based on a polyparadigm approach and a wide range of sources. In the 1980-1990s, a number of organizations emerged in the Altai Republic; they represented the interests of the region's minorities: the Kumandins, Chelkans, Tubalars, Teleuts. These groups, which were assessed as subethnoses in the academic and social-journalistic discourse, had crisis parameters in the preservation of languages and cultures, but demonstrated a high level of political activity. In the 2000s, the Kumandins, Chelkans, Tubalars, and Teleuts' political choice was made in favor of the status of indigenous small peoples, which did not prevent them from considering themselves as a part of the Altai community as a whole. The authors' study showed that the priorities of ethnic structuring of the Altai's ethnopolitical space in the 2000s combined with integration trends. The realization of the rights of the indigenous peoples of the Altai Republic formed a new socio-cultural and ethno-political reality. The characteristic features of this reality are: activation of the national and ecological-cultural movement of indigenous small peoples and mobilization of ethnicity, cultural and linguistic identity; multi-level nature of identity. By analyzing the socio-cultural and ethno-political practices of the indigenous small peoples of the Altai Republic, the article demonstrates that despite all the difficulties associated with preserving the unity of the republican community, the movement of the region's indigenous minorities has built a system of effective dialogue with the state and the regional community, taking into account Russian and international political and legal support.

Keywords: *ethnic identity, social organizations, indigenous minorities, Altai Republic*

REFERENCES

- Altaytsy: Etnicheskaya istoriya. Traditsionnaya kul'tura. Sovremennoye razvitiye* [The Altaians: Ethnic history. Traditional culture. Modern development]. Gorno-Altaysk: Nauch.-issledovatel'skiy in-t altaistiki im. S. S. Surazakova Publ., 2014. (in Russ.).
- Atkunova D. A. *Natsional'noye vrozhdeniye korennykh malochislennykh narodov Severnogo Altaya (konets XIX — nachalo XXI v.): avtoref. kand. diss.* [National revival of the indigenous minorities of the Northern Altai (late 19th — early 21st century): Abst. Diss. Cand.]. Tomsk, 2017. (in Russ.).
- Baskakov N. A. *Altayskii yazyk (vvedenie v izuchenie altaiskogo yazyka i ego dialektov)* [The Altai language (introduction to the study of the Altai language and its dialects)]. Moscow: AN SSSR Publ., 1958. (in Russ.).
- Batyanova E. P. *Rod i obshchina u teleutov v XIX — nachale XXI veka* [The Clan and community of the Teleuts in the 19th — early 21st century]. Moscow: Nauka Publ., 2007. (in Russ.).
- Belgibaev E. A. *Traditsionnaya material'naya kul'tura chelkantsev basseyna r. Lebed' (vtoraya polovina XIX–XX v.)* [Traditional material culture of the Chelkans of the Lebed river basin (second half of the 19th–20th century)]. Barnaul: Izd-vo AltGU Publ., 2004. (in Russ.).
- Chemchieva A. P. *Altayskiye subetnosy v poiskakh identichnosti* [Altai subethnoses in search of identity]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2012. (in Russ.).
- Drobizheva L. M., Aklaev A. R., Koroteeva V. V., Soldatova G. U. *Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiyskoy Federatsii 90-kh godov* [Democratization and images of nationalism in the Russian Federation in the 90s]. Moscow: Mysl' Publ., 1996. (in Russ.).
- Eshmatova G. B. *Respublika Altay: etnopoliticheskiye protsessy i sovremennyy mir* [The Altai Republic: ethnopolitical processes and the modern world]. Gorno-Altaysk: IP Vysotskaya G. G. Publ., 2011. (in Russ.).
- Funk D. A. [The number and settlement of the Chelkans in the 19th century]. *Chelkanttsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka* [The Chelkans in research and materials of the 20th century]. Moscow: IEA RAN Publ., 2000, vol. 3, pp. 25–51. (in Russ.).
- Kazantsev A. Yu. [Ethnopolitical processes in the Altai Republic in the late 20th century]. *Altai — Rossiya: cherez veka v budushchee* [Altai — Russia: through the centuries into the future]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU Publ., 2006, vol. 1, pp. 214–220. (in Russ.).
- Kleshev V. A. *Sovremennaya narodnaya religiya altay-kizhi: avtoref. kand. diss.* [Modern folk religion of Altai-Kizhi: Abst. Diss. Cand.]. Tomsk, 2006. (in Russ.).
- Kydyeva V. Ya. [The Institute of Zaysanism among the Altaians]. *Altai — Rossiya: cherez veka v budushchee* [Altai — Russia: through the centuries into the future]. Gorno-Altaysk: RIO GAGU Publ., 2006, vol. 1, pp. 113–116. (in Russ.).
- [Kumandins]. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye otdeleniye OGIZ Publ., 1932, vol. 2, p. 555. (in Russ.).
- [Lebedins]. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye otdeleniye OGIZ Publ., 1932, vol. 3, p. 29. (in Russ.).
- Maslov D. V. [Ethnicity and bureaucracy: notes on solidarity among indigenous people of Altai Republic]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2014, no. 2, pp. 60–82. (in Russ.).
- Nazarov I. I. *Kumandintsy: traditsionnoye khozyaystvo i material'naya kul'tura* [The Kumandins: traditional economy and material culture]. Barnaul: Altayskiy dom pechati Publ., 2013. (in Russ.).
- [Oirat autonomic region]. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. New York, 1992, vol. 4, p. 89. (in Russ.).
- Oktyabr'skaya I. V., Samushkina E. V. [Social movement in the Altai Republic: traditionalism and the problem of ethnicity mobilization (late 20th — early 21st century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2006, vol. 5, iss. 3, pp. 98–107. (in Russ.).
- Potapov L. P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdeniye altaytsev. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Ethnic composition and origin of the Altaians. Historical and ethnographic essay]. Leningrad: Nauka. Leningr. otdniye Publ., 1969. (in Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki po istorii altaytsev* [Essays on the history of the Altaians]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1953. (in Russ.).
- Radlov V. V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. Moscow: Nauka Publ., 1989. (in Russ.).

- Samaev G. P. *Prisoyedineniye Altaya k Rossii (istoricheskiy obzor i dokumenty)* [Annexation of Altai to Russia (historical review and documents)]. Gorno-Altaysk: IChP "Ak chechek", 1996. (in Russ.).
- Satlaev F. A. *Kumandintsy (istoriko-etnograficheskiy ocherk XIX — pervoy chetverti XX v.)* [The Kumandins (historical and ethnographic essay of the 19th — first quarter of the 20th century)]. Gorno-Altaysk: Altayskoye kn. izd-vo. Gorno-Altayskoye otd-niye Publ., 1974. (in Russ.).
- Sherstova L. I. *Tyurki i russkiye v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskiye protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII — nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethnopolitical processes and ethnocultural dynamics of the 17th — early 20th century]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2005. (in Russ.).
- Sokolova F. H. [Indigenous peoples: concept, essence and content]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2012, no. 6, pp. 23–27. (in Russ.).
- Tadina N. A. [The Revival of Zaysanism in the Altai Republic: a look through one's own ethnic identity]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia], 2009, no. 3, pp. 77–81. (in Russ.).
- Tadina N. A., Yabyshtaev T. S. ["Turk in language, Finno-Ugric people in appearance": on ethno-cultural discourse of Northern Altaians in Altai Republic]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2013, no. 1 (130), pp. 23–27. (in Russ.).
- Tyukhteneva S. P. [Telengits of the Altai Republic in the period between two population censuses]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia], 2011, no. 3, pp. 43–45. (in Russ.).
- Tyurkskie narody Sibiri* [The Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 2006. (in Russ.).
- Znamenski A. Power of Myth: Popular Ethnonationalism and Nationality Building in Mountain Altai 1904–1922. *Acta Slavica Iaponica*, 2005, no. 22, pp. 25–52. (in English).